

ОСИПОВА М. А.

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительный метод описания словообразовательных явлений в славянских языках, теоретические основы и принципы которого были впервые разработаны М. Докулилом [1], находит широкое применение в славистике последнего двадцатилетия и дает плодотворные результаты. Однако многие проблемы теории и методики сопоставительного анализа в сфере словообразования до сих пор остаются открытыми. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с применением сопоставительного метода при изучении глагольной префиксации.

Как известно, объектом сопоставительного исследования в области словообразования славянских языков могут быть единицы различных участков системы: словообразовательные типы, категории, деривационные классы, гнезда (см. об этом также [2; 3; 4]), равно как и способы словообразования, функционирование формально тождественных дериваторов, деривационные возможности и особенности образования более или менее обширных классов слов. Изучая глагольную префиксацию, как правило, берут за основу формальное тождество дериваторов или тождество словообразовательных значений производных, реже — тождество классов мотивирующих глаголов.

Большинство исследователей опирается на принцип формального тождества дериваторов. Описанию функционирования материально тождественных префиксов в славянских языках посвящены, например, статьи Э. Секаниновой ([5] и др.), ряд работ советских и польских исследователей. При таком подходе устанавливаются совпадающие и различающиеся по языкам значения приставок, причем нетождественные значения остаются, по сути дела, за рамками сопоставления.

Описание, основанное на материальном единстве формантов, может быть полезно при обучении иностранному языку, в то время как целям теоретического описания в большей степени удовлетворяет ориентация на тождество словообразовательных значений производных. Изучение глагольных категорий, объединенных общим словообразовательным значением, начато лишь в последнее десятилетие (см. [6 — 12], а также монографию, посвященную глагольной префиксации в русском и словацком языках [13]). Общность словообразовательной семантики производных позволяет проводить сопоставление всей суммы словообразовательных явлений, а не отдельных фрагментов системы.

Большинство работ, посвященных изучению словообразовательных категорий глагола, ориентируется скорее на аспектологическую, чем на словообразовательную проблематику, что характерно и для исследований по глагольному словообразованию на материале одного языка. Основное внимание уделяется таким вопросам, как отношение исследуемых гла-

голов к видовой соотносительности, их место в системе способов действия. С этим связан и выбор исследуемых словообразовательных групп: изучаются лишь глаголы, для которых релевантна категория способа действия. Поскольку большинство ученых в рамках способов действия рассматривают ограниченный набор аспектуальных признаков, остаются в стороне многие словообразовательные типы, такими признаками не обладающие, а потому собственно словообразовательный аспект проблемы остается недостаточно разработанным.

С выбором объекта исследования связан вопрос об эталоне (сопоставительной модели) сравнения, имеющий первостепенное значение. Ему посвящена обширная литература, в том числе работы общего плана [14 — 16] и частные исследования. Вопрос об эталоне так или иначе решается в каждой сопоставительной работе, конкретные задачи и анализируемый языковой уровень которой задают тип эталона. Ниже мы попытаемся показать возможности одного из типов эталона на одном фрагменте глагольного словообразования — дистрибутивных глаголах современных польского, словацкого и чешского литературных языков. Источниками материала послужили SJP, SSJ, SSJC, PSJC и данные ряда работ, посвященных дистрибутивным глаголам этих языков (см., в частности, [17; 18; 61]).

Изабираемый эталон должен обеспечить равный охват всех сопоставляемых языков и объяснение фактов межязыковых тождеств и расхождений в пределах исследуемого явления. В нашем случае таким эталоном является максимальная словообразовательная схема, ориентированная на лексико-семантические и семантико-словообразовательные особенности глаголов, образующих мотивационную базу дистрибутивов.

Этот подход кажется нам наиболее информативным при исследовании глагольной префиксации, в изучении которой не оправдывает себя словообразовательная схема, основанная на выделении разных типов семантических отношений между производными и производящими. Известно, что для глагольной префиксации в целом не характерна фразеологичность семантики производных — в частности, дистрибутивных. Как правило, значение производных дистрибутивов есть сумма значений мотивирующего глагола и словообразовательного форманта (а также грамматического значения совершенного вида). Дополнительные семантические компоненты возникают при мотивации дистрибутивов некоторыми типами бесприставочных глаголов; такие случаи, однако, составляют не более 2 % от общего количества дистрибутивов в рассматриваемых языках [19].

Вряд ли стоит брать за основу и различие в формантах (префиксах) дистрибутивности: пол. *po-*, *swc-*, чеш. *po-* и *s-/z-*¹: такой подход не выявлял бы сравнительной системной продуктивности дистрибутивов в рассматриваемых языках. Выделяя модели образования дистрибутивов, мы не соблюдаем принципа этимологического тождества дистрибутивных формантов.

Предлагаемый эталон отражает сумму всех возможных моделей образования дистрибутивов в рассматриваемых языках², где каждая модель представляет собой оппозицию двух членов, связанных отношениями мотивации, например, аттенуативные глаголы — дистрибутивы, комплетивные глаголы — дистрибутивы и т. п.³ Мотивирующие глаголы объединяются по общему лексико-семантическому (для бесприставочных глаголов) или категориальному словообразовательному признаку.

Меньше информации несет классификация моделей, основанная на структурных признаках мотивирующих слов и объединяющая в одну модель мотивирующие с тождественным словообразовательным формантом, ср. [6]; при этом за рамками исследования остаются бесприставочные глаго-

¹ Дистрибутивы образуют словообразовательную категорию. В том случае, если из понятия словообразовательного типа, используемого в сопоставительном описании близкородственных языков, исключить требование формального тождества дериваторов, дистрибутивы можно считать словообразовательным типом [20].

² Ср. использование С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой максимальной морфологической схемы в качестве эталона сопоставления морфологических систем [21; 22].

³ В том же плане см. [10].

лы, у которых нет структурно выраженных семантических признаков. Кроме того, упускаются из виду правила сочетаемости дистрибутивных префиксов с глаголами определенных семантических групп.

Классификация моделей образования префиксальных глаголов, основанная на семантическом единстве классов мотивирующих, устанавливает четкие границы мотивационной базы данной группы глаголов, зависимость словообразовательных возможностей мотивирующих от их семантики и от связанных с последней морфологических свойств. Применение максимальной словообразовательной схемы в каждом из сопоставляемых языков позволяет разграничить структурные и семантические ограничения, налагаемые на образование дистрибутивов.

Приставочные мотивирующие глаголы представляют собой словообразовательный тип (если словообразовательное значение выражается одним материально тождественным формантом) или словообразовательную категорию (если таких формантов несколько). Мотивирующие с разными формантами образуют разряды первого противочлена в рамках одной модели, например, аттенуативные глаголы имеют разряды мотивирующих с префиксами *pa-*, *pad-*, *pod-*, *przu-/prz-*, *u-* *-si*, *za-*. При этом фиксируются дериваторы, участвующие в образовании дистрибутивов определенной модели или подтипа.

Максимальная сопоставительная схема составляется поэтапно.

1. Для каждого языка в отдельности определяются лексико-семантические группы беспрефиксальных мотивирующих и словообразовательные значения мотивирующих с разными приставками, а также словообразовательная структура и семантика глаголов, не образующих дистрибутивов. Например, среди польских глаголов с приставкой *do-* образуют дистрибутивы глаголы комплетивного и дополнительного действия (*podopalać* 'сжечь до конца все', *podolewać* 'долить все') и глаголы со значением достижения пространственного предела (*podobiegać* 'добежать (обо всех)'), но не глаголы типа *doigrać się* 'доиграться'.

2. Для каждого языка устанавливаются модели образования дистрибутивов, причем в сфере префиксальных мотивирующих — с учетом синонимических средств выражения одного словообразовательного значения. Например, в словацком дистрибутивы образуются от аттенуативных глаголов с префиксами *pa-* (*ponahnívati* 'подгнуть (обо всем)') *prz-* (*porprívievať* 'прикрыть все'), *za-* (*pozahŕýzať* 'надкусить все'), *u-* с последующей частицей *si* (*roupríjať si* 'выпить немного (обо всех)'), а глаголы с префиксами *po-*, *pad-*, *pod-* в образование дистрибутивов не вовлекаются. В словацком дистрибутивы не образуются от кумулятивных глаголов (типа *pabrat'* 'набрать'). На этом этапе, таким образом, описывается система глагольной префиксации каждого языка.

3. Итоговый эталон есть теоретико-множественное объединение моделей рассматриваемых языков и не совпадает полностью ни с одной из объединяемых моделей.

Затем на фоне системных возможностей каждого языка его данные сопоставляются с максимальной схемой, причем учитывается продуктивность и видовая соотносительность словообразовательных категорий и типов мотивирующих, а также их структурные особенности. Отсутствие модели или подтипа в данном языке обозначается незаполненной ячейкой максимальной схемы. Чем больше пустых ячеек, тем меньше системная продуктивность исследуемых глаголов. Устанавливаемая таким образом сравнительная системная продуктивность непосредственно связана с эмпирической: чем больше одна, тем больше и другая.

Соотнося данные каждого языка с максимальной схемой, мы определяем сравнительную системную и эмпирическую продуктивность глаголов и устанавливаем, как связаны с продуктивностью семантические, морфологические и структурные факторы.

Заполнение ячеек максимальной схемы позволяет получить и минимальную схему, т. е. теоретико-множественное пересечение моделей, реализованных в исследуемых языках. Естественно, минимальная схема не есть сумма наиболее продуктивных моделей, в нее могут войти и утра-

тившие продуктивность типы. Сама минимальная схема информативна в том смысле, что задает множество глаголов, объединенных рядом общих структурно-семантических параметров и образующих мотивационную базу дистрибутивов во всех сравниваемых языках. Данные минимальной схемы небезынтересны для типологического и диахронического изучения славянской глагольной префиксации.

Вычитая минимальную схему из максимальной, получаем область явлений, специфических для отдельных языков или общих для части из них; из близкого родства изучаемых языков вытекает, что расхождение между ними в полученной области должно объясняться скорее структурными, нежели семантическими причинами. Поиск этих причин для каждого конкретного случая представляет, по нашему убеждению, самостоятельный интерес.

Чтобы рассмотреть возможности построения максимальной схемы, остановимся прежде всего на моделях образования дистрибутивов от бесприставочных глаголов⁴.

Мотивирующие бесприставочные глаголы группируются по лексико-семантическим признакам, релевантным в сопоставительном плане. В максимальную схему входят девять моделей, соответствующих глаголам следующих групп: 1) глаголы конкретного физического действия, модифицирующего объект (*Об*) или субъект (*Суб*), ср. дистрибутивы пол. *poszysić* 'почистить все', слвц. *robit* 'разбить все', *spukat* 'sa 'лопнуть (обо всем)', чеш. *rošit* 'сшить все', *skrátet* 'разрезать все'; 2) глаголы со значением действия, связанного с перемещением *Об* или *Суб*: пол. *położyć* 'положить все', слвц. *povracať* 'вернуть всех', *zskákat* 'спрыгнуть (обо всех)', чеш. *posedat* 'сесть (обо всех)', *zházet* 'сбросить все'; 3) глаголы со значением постепенного становления признака или состояния *Суб*: пол. *rogłupieć* 'поглупеть (обо всех)', слвц. *romoknúť* 'намокнуть (обо всех)', чеш. *romřit* 'умереть (обо всех)'; 4) глаголы, обозначающие действия общего характера, не ведущие к изменению *Об* или *Суб*: пол. *ponazywać* 'называть все', слвц. *ponavštevovať* 'посетить всех', чеш. *počoupit* 'купить все'; 5) глаголы со значением действия, направленного на изменение психического состояния *Об*: пол. *postraszyć* 'напугать всех', слвц. *pozavádzat* 'обмануть всех'; 6) многоактные глаголы: пол. *pościskać* 'бросить все', слвц. *pochyťat* 'схватить все', *zhádzat* 'сбросить вниз все', чеш. *poházet* 'бросить все', *schyťat* 'схватить все'; 7) глаголы неоднонаправленного движения: слвц. *pobeťat* 'обежать все', *zvoziť* 'свезти сверху вниз все', чеш. *pochoďit*, *zchoďit* 'обойти все'; 8) глаголы, обозначающие состояние или постоянные признаки *Суб*: пол. *rokujeć* 'охрометь (обо всех)', слвц. *rochoriet* 'заболеть (обо всех)'; 9) глаголы со значением психического состояния *Суб*: пол. *ponudzić się* 'заскучать (обо всех)'.

Распределение дистрибутивов, образованных по перечисленным моделям, представлено в табл. 1.

Дистрибутивные приставки присоединяются к глаголам несовершенного вида (редко — совершенного) со значением предельного действия, характеризующимся видовой соотносительностью (модели 1—5). Обращает на себя внимание то, что мотивационная база дистрибутивов в чешском языке более узкая, чем в польском и в словацком. Минимальную схему для трех языков образуют модели 1—4 и 6.

Что касается других моделей, то в них расхождения обусловлены тем, что нарушается основное правило образования дистрибутивов: форманты дистрибутивности присоединяются к несоотносительным по виду глаголам с неопределенным значением. В моделях 7—9 мотивирующими служат неопределенные глаголы, в связи с чем в словообразовательное значение производных входят разные дополнительные элементы смысла (значения начинательности и пространственной характеристики действия в различных модификациях). Понятно, что распространение категории ди-

⁴ Возвратные глаголы трактуются как регулярные образования от соответствующих невозвратных и привлекаются только в том случае, если они образуют особые лексико-семантические или семантико-словообразовательные группы, а их значения не выводятся прямо из значений невозвратных глаголов.

Язык	№ модели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
польский	+	+	+	+	+	+	—	+	+
словацкий	×	×	+	+	+	×	×	+	—
чешский	×	×	+	+	—	×	×	—	—

Примечание. Знак «—» обозначает отсутствие модели в языке; знак «+» — сочетаемость с префиксом ро-; знак «×» — сочетаемость с префиксами ро- и s-/z-.

стрибутивности на неопределенные глаголы — позднее явление, осуществлявшееся в разных славянских языках по-разному. Исключением в этом плане является модель 6, входящая в минимальную схему: дело, однако, в том, что дистрибутивные форманты легко присоединяются к мотивирующим, имеющим сему квантовости действия⁵. Отсутствие в чешском модели 5 вызвано тем, что в образовании дистрибутивов вовлекается прежде всего лексика, связанная с конкретными физическими действиями, глаголы же более общего значения используются реже во всех сравниваемых языках, особенно в чешском.

Дистрибутивы от бесприставочных глаголов образуются в чешском и словацком как с помощью ро-, так и с помощью s-/z-⁶. Приставка s-/z-специализирована в дистрибутивной функции меньше, чем ро-, и присоединяется лишь к глаголам моделей 1, 2, 6 и 7, причем привносит иногда и дополнительные пространственные значения.

Большинство дистрибутивов образуется от приставочных глаголов, обычно — несовершенного вида (вторичных имперфективов); нерегулярно дистрибутивные префиксы соединяются и с глаголами совершенного вида. Ниже словообразовательное значение мотивирующих (или префиксов в их составе) учитывается вне зависимости от их видовой характеристики.

Выделяя группы мотивирующих, мы не учитывали периферийные непродуктивные, словообразовательные разряды, представленные единичными производными, и глаголы с так называемыми трудноопределимыми или уникальными значениями префиксов. Среди приставочных мотивирующих выделяются глаголы с чисто видовыми, пространственными и акциональными (непространственными) значениями префиксов. Глаголы с чистовидовыми и пространственными значениями приставок довольно регулярно образуют дистрибутивы (прежде всего — в польском и словацком), так как имеют значение предельности и могут выступать в обоих видах, причем конкретный характер пространственного значения в интересующем нас аспекте иррелевантен. Эти глаголы и составляют ядро мотивационной базы, поскольку, означая конкретные физические действия, как нельзя лучше подходят для присоединения дистрибутивных формантов. Намного реже встречаются дистрибутивы, образованные от глаголов акциональной семантики: именно они и рассматриваются ниже, так как образование дистрибутивов здесь тесно связано с характером словообразовательного значения мотивирующих.

Акциональные мотивирующие образуют 14 моделей, соответствующих глаголам с временными (модели 1—2), результативными (3—8), качественными (9—11) и количественными (12—14) категориальными значениями. В максимальную схему входят глаголы со значениями: 1) 'начать (интенсивно) действие, названное мотивирующим глаголом': пол. *rogoz-*

⁵ Существуют наблюдения, согласно которым категория дистрибутивности в польском формировалась на базе итеративов.

⁶ В словацком s- и z- — позиционно обусловленные варианты, соединяющиеся лишь с бесприставочными глаголами. В чешском эти приставки не находятся в дополнительном распределении, и к приставочным глаголам присоединяется только z-. Словарно засвидетельствованные лексемы типа слов. *spregažat* 'пробыть все' воспринимаются как искусственные образования. За это сообщение и общую проверку словацкого материала автор статьи сердечно благодарит И. Дюрчо, сотрудника Института языковедения им. Л. Штура САН, Братислава.

kwitać 'расцвести (обо всех)', слвц. pozaspávat 'заснуть (обо всех)', чеш. pousínat то же; 2) 'прекратить действие, названное мотивирующим глаголом': слвц. poodkvítat 'отцвести (обо всех)'; 3) 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить дополнительно': пол. podokupować 'докупить все', слвц. podokladat 'положить дополнительно все'; 4) 'довести до конца действие, названное мотивирующим глаголом': пол. podopalać 'сжечь до конца все', слвц. podogábat 'доделать все'; 5) совершить действие, названное мотивирующим глаголом, повторно (и иначе): пол. porzekrawać 'перекроить все', слвц. porrebudúvat 'перестроить все'; 6) 'аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом': пол. porozwiązować 'развязать все', слвц. poodkrývat 'открыть все', чеш. porozpínat 'расстегнуть все', zrozvírat 'открыть все'; 7) 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя того же действия': пол. porprzerastać 'перерастить всех', слвц. porprekričiat 'перекричать всех'; 8) 'ликвидировать Об, осуществляя действие, названное мотивирующим глаголом': пол. porzagryzać 'загрызть всех', слвц. pozadřhat 'задушить всех', чеш. pozabíjet 'убить всех'; 9) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с небольшой степенью интенсивности': пол. ponadgryzać 'надкусить все', слвц. porpřivírat 'прикрыть все'; 10) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с большой степенью интенсивности': пол. powyszukiwać 'разыскать все', слвц. porpřemrzat 'промерзнуть (обо всех)', чеш. povyptat se 'расспросить обо всем', zprohledat 'обыскать все'; 11) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, с чрезмерной степенью интенсивности': слвц. porpřesál'at 'пересолить все'; 12) 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на все Об или Суб': пол. porpowieszać 'повесить все', чеш. porpolehat 'лечь (обо всех)', zprozamykat 'закрыть все'; 3) 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, накопить в определенном количестве': пол. ponapozýszac 'надавать или набрать в долг все', чеш. ponashírat 'насобирать все'; 14) 'осуществив действие, названное мотивирующим глаголом, полностью исчерпать Об или Суб': пол. porozkřadać 'разворовать все', слвц. povystriel'at 'перебить все', чеш. povymřít 'вымереть (обо всех)'. Распределение моделей проиллюстрировано в табл. 2 (обозначения те же, что в табл. 1):

Системное сходство сопоставляемых языков выражается в том, что способность присоединять дистрибутивную приставку зависит от семантики и морфологических свойств мотивирующих. В максимальной схеме дистрибутивы образуются лишь от глаголов словообразовательных категорий, допускающих видовую соотносительность. Мотивирующими не являются imperfectiva tantum, обозначающие длительные действия с оттенком кратности, и perfectiva tantum, особенно указывающие на временную ограниченность действия — одноактные глаголы, делимитативы и пердуративы. Исключение составляют лишь кумулятивные и дистрибутивные perfectiva tantum с элементом значения 'множество Об или Суб', которые исторически были основой развития категории дистрибутивности.

Особенно легко образуют дистрибутивы глаголы с результативными и качественными категориальными значениями, обладающие соотносительными по виду формами. Реже для этого используются глаголы временных и количественных словообразовательных категорий: так, непродуктивны модели образования дистрибутивов от начинательных, финитивных, дистрибутивных и кумулятивных глаголов.

Минимальную схему образуют модели 1, 6, 8, 10 и 14, т. е. мотивирующие, обозначающие большую меру (количество) действия, интенсивы и глаголы с компонентом 'полностью исчерпать Об или Суб'. Последняя группа содержит компонент квантовости действия. Не случайно и то, что данный компонент часто имеется и у перфективных мотивирующих (словарями дистрибутивы, образованные от глаголов совершенного вида, по большей части характеризуются как устаревшие). В связи с этим уместно остановиться на функционировании чеш. z-. Этот префикс самостоятельно не оформляет ни одной модели, связанной с акциональными глаголами,

Языки	№ модели													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
польский	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+
словацкий	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
чешский	+	—	—	—	—	×	—	+	—	×	—	×	+	+

и участвует лишь в моделях 6, 10 и 12, что подтверждает мысль, согласно которой в минимальную схему входят преимущественно дистрибутивы, возникшие на начальных этапах формирования категории дистрибутивности, ср. мотивацию дистрибутивов бесприставочными многоактными глаголами и, в словацком и чешском, глаголами неоднаправленного движения.

Западнославянские языки обнаруживают и различия: в польском и словацком дистрибутивы образуются активнее, чем в чешском, что выражается и чисто количественно, и в широте вовлекаемой в мотивационную базу лексики. Для польского и словацкого остаются незаполненными всего по две ячейки максимальной схемы, в то время как в чешском не используются не только непродуктивные модели 2, 7 и 11, но и мотивирующие со значением аттенуативного, дополнительного, повторного и комплекстивного действия, регулярно образующие дистрибутивы в польском и словацком. Таким образом, если польскому и словацкому неизвестны периферийные модели, вообще мало участвующие во вторичной имперфективации, то по отношению к чешскому мы вправе говорить о неразвитости категории дистрибутивности в сравнении с другими языками. В чешском отсутствие ряда моделей вызвано не только их семантикой и нерегулярной видовой соотносительностью, но и другими причинами, о которых будет сказано ниже.

Нередко исследователи полагают, что запреты на сочетаемость префиксов обусловлены их семантической несовместимостью. Так, отмечается, что в русском языке префикс *по-* в ограничительном и дистрибутивном значениях не присоединяется к глаголам с префиксом *до-* в значении доведения действия до определенного предела, ибо «здесь причина запретов — семантическая, поскольку и дистрибутивность, и ограниченность не совмещаются с идеей наличия конкретного предела действия» [23, с. 192]. Носитель языка всегда склонен воспринимать факты несочетаемости родного языка как явления семантики: соположение таких несочетаемых элементов кажется говорящему нарушением семантических правил. Однако, даже оставаясь в рамках русского материала, эту идею нетрудно поколебать: данные СРЯ и ССРЛЯ позволяют констатировать, что с *до-* не сочетаются также, в качестве первого элемента, префиксы *на-* и *пре-*. Далее, все еще не выходя за пределы русской грамматики, легко заметить, что, в то время как сочетания *по-до-*, *на-до-*, *пре-до-* отсутствуют, имеются префиксы, омонимичные этим сочетаниям: *подо-*, *надо-* и *предо-* (морфонологические варианты *под-*, *над-*, *пред-*). Причина рассматриваемого ограничения кроется в том, что — независимо от семантических факторов — язык стремится избежать в этом случае омонимии и действительно избегает ее, отказываясь сочетать *до-* с *по-*, *на-* и *пре-*.

Правильность такого предположения подтверждается данными западнорусских языков. В чешском, в силу частичной омонимии, также исключаются соответствующие сочетания префиксов, в том числе важное с точки зрения дистрибутивности сочетание *po-do-*. Для польского и словацкого языков этот запрет имеет характер не строгого закона, но лишь общей тенденции, поскольку словарями фиксируются отдельные дистрибутивы, мотивированные глаголами с *do-*; для словацкого языка представлены также единичные малоупотребительные образования с сочетанием префиксов *na-do-*: *nadonášat* 'наносить', *nadovážat* 'навозить'

языки	префиксы								
	do-	na-	nad-	o(b)-	od-	po-	pod-	prze-/pre-/pře-	pro-
польский	+	+	+	+	+	+	+	+	—
словацкий	+	+	+	+	+	+	+	+	—
чешский	—	+	—	×	×	×	0	×	0

языки	префиксы								
	pred-	przy-/pri-/při-	roz-	s-/z-	u-	w-/v-	wy-/vy-	wz-/vz-	za-
польский	—	+	+	+	+	+	+	+	+
словацкий	+	+	+	+	+	+	+	+	+
чешский	—	+	×	+	×	+	×	+	+

Примечание. Знак «—» обозначает несочетаемость с дистрибутивными префиксами; знак «+» — сочетаемость с ро-; знак «0» — сочетаемость с z-; знак «x» — сочетаемость с обоими префиксами.

(SSJ, t. II, s. 228). Далее, в польском и словацком языках эта тенденция вообще не охватывает сферу разговорной речи, где весьма часты глаголы с сочетанием ро-do-, стоящие на грани литературной нормы; ср. словацкий материал (см. [6, s. 72], где приводятся глаголы с ро-do-, не фиксируемые словарями). Глаголы этого типа, пожалуй, мыслимы и в русской разговорной речи, ср. *подолживать*.

На этом примере, как нам кажется, хорошо видна роль структурных факторов, действующих в глагольном словообразовании. Вместе с тем, нельзя забывать о семантических факторах: ими обусловлена, например, несочетаемость дистрибутивных формантов с чешскими аттенуативными глаголами, хотя и здесь следует говорить не об их принципиальной семантической несовместимости (эта модель представлена в других близкородственных языках), но о словообразовательной инертности аттенуативов в чешском.

Представляют интерес некоторые общие наблюдения над сочетаемостью префиксов в дистрибутивах. Эти наблюдения суммированы в табл. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dokulil M. Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «tvoření slova». — Slovo a slovesnost, 1963, roč. 24, № 2.
2. Волоцкая З. М. К описанию системы деривативных значений. — В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
3. Волоцкая З. М. К сопоставительному описанию славянских языков. — Вопросы языкознания, 1975, № 5.
4. Земская Е. А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Тезисы докладов и краткие сообщения III Республиканской научной конференции 21—23 сентября 1978 г. Ташкент, 1978.
5. Sekaninová E. Významy předpon pri- a pod- v ruštině a slovenštině. — Slavica Slovaca, 1974, roč. 9, № 3.
6. Sekaninová E. Distributivnosť ako spôsob slovesného deja. — In: Studie z porovnávacej gramatiky a lexicológie. Bratislava, 1974.
7. Стрекалова З. Н. Аугментативный способ глагольного действия в русском, польском и словацком языках. — Slavica Slovaca, 1976, № 3.
8. Делянова М. Из сръбохърватско-българската съпоставителна аспектиология. — Български език, 1976, № 6.
9. Делянова М. Някои сръбохърватско-български паралели при словообразователно характеризираниге начини на действие. — Български език, 1978, № 2.
10. Соколов О. М. К характеристике способов глагольного действия (на материале русского и болгарского языков). — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектиологии. Вып. 1. Л., 1978.
11. Смирнов Л. Н. К проблематике сопоставительной славянской аспектиологии. — In: Materiály z II. sympozia o bohemistice v zahraničí. Praha, 1980.

12. *Straková V.* Pragmatické modifikace slovesné sémantiky (Příspěvek k derivační typologii).— *Slovo a slovesnost*, 1983, roč. 44, № 1.
13. *Sekaninová E.* Sémantická analýza předponového slovesa v ruštině a slovenštině. Bratislava, 1980.
14. *Волоцкая З. М.* К выработке методики сравнительных исследований в области славянского словообразования.— В кн.: Структурная типология языков. М., 1966.
15. *Дежина Е. И.* К проблеме tertium comparationis в сопоставительных исследованиях.— *Zeitschrift für Slawistik*, 1980, Bd. 25, № 6.
16. *Sirokova A. G.* Některé teoretické a metodické předpoklady studia gramatické stavby češtiny a ruštiny.— In: Materiály z II. symposia o bohemistice v zahraničí. Praha, 1980.
17. *Křížková H.* Několik poznámek k distributivnosti v ruštině a v češtině.— *Ruský jazyk*, 1958, roč. 8, № 9.
18. *Šcdláčková Z.* Distributivní slovesa v ruštině a češtině.— *Československá rusistika*, 1959, roč. 3, № 1.
19. *Осипова М. А.* Некоторые особенности словообразовательной семантики дистрибутивных глаголов в западнославянских языках.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1983.
20. *Moravec J.* Slovo tvorný typ z hlediska konfrontačního studia tvoření slov v slovanských jazycích.— *Slavica Pragensia*, 1964, roč. 6.
21. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров.— *Вопросы языкознания*, 1965, № 4.
22. *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
23. *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

СОКРАЩЕНИЯ

PSJČ: Příruční slovník jazyka českého, d. I—VIII. Praha, 1935—1957.
 SJP: Słownik języka polskiego, t. I—XI. Warszawa, 1958—1969.
 SSI: Slovník slovenského jazyka, d. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
 SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého, d. I—IV. Praha, 1960—1971.
 СРЯ: Словарь русского языка. Т. III. М., 1959.
 ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Т. IX—X. М.—Л., 1959—1960.